

4. Прихода Я. В. Концепт *Європа* в українській публіцистиці: когнітивно-лінгвістичні аспекти : дис. на здобуття наук, ступеня канд. філол. наук : 10.01.08 «Теорія літератури. Текстологія» / Я. В. Прихода. – Львів 2005.
5. Яворська Г. Політична риторика та реалії європейської інтеграції / Галина Яворська // Віче.– 2002.– № 7 (124).– С. 66–71.
6. Яворська Г. М. Лінгвістика в дослідженні міждисциплінарних об'єктів (до аналізу колективних ідентичностей) / Г. М. Яворська // Мова. Людина. Світ: До 70-річчя професора М. Кочергана: зб. наук. статей. – Київ: Вид. центр КНЛУ. – 2006. – С. 46–59.
7. Chilton P., Pyin M. Metaphor in political discourse: The case of the 'Common European House' – Discourse and Society. – 1993. – V. 4(1), pp 7–31.
8. Fairclough N. Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language. – London, 1995.
9. Hellsten, I. Door to Europe or Outpost towards Russia? Political metaphors in Finnish EU-journalism// Koivisto, Juha, Lauk, Epp (Eds.) Journalism at the Crossroads. Perspectives on Research. Tartu University Press, 1997, pp. 121–141.
10. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago–London: The University of Chicago Press. – 1980.
11. Lakoff G., Turner M. More than Cool Reason. A Field Guide to Poetic Metaphor. – Chicago: The University of Chicago Press. – 1989.
12. Wodak, R. Busch B. Approaches to media texts // John Downing; Denis McQuail; Philip Schlesinger; Ellen Wartella (eds.) Handbook of Media Studies. – Thousand Oaks, London, New Delhi: Sage, 2004. – Pp. 105–123.
13. Wodak, R., Weiss, G. Visions, Ideologies and Utopias in the Discursive Construction of European Identities: Organizing, Representing and Legitimizing Europe // M. Putz, J. van Aertselaer, & T. A. van Dijk (Eds.), Communicating Ideologies: Multidisciplinary Perspectives on Language, Discourse and Social Practice Frankfurt am Main: Peter Lang. – 2004. – Pp. 225–252.
14. Yavorska G. From LIFE to GAME: A Conceptual Shift in Mediatized Politics // Recent Trends in Language and Literature Studies: Insights and Approaches. Abstracts. – KNLU, Kyiv, 2005. – Pp. 58–50.
15. Zbierska-Sawala A. The Conceptualisation of the European Union in Polish Public Discourse, 2002–/2003 Journal of . of multilingual and multicultural development. Vol. 25, No. 5/6, 2004.

Одержано редакцією 04.09.2008

Прийнято до друку 17.11.2008

УДК 811.161.73

В. П. Мусиенко

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОГО ПРАВОСЛАВНОГО ТОЛКОВАНИЯ СВЯЩЕННОГО ПИСАНИЯ

У статті виокремлено головні етапи тлумачення Священного Письма в російській православній традиції. На прикладі тлумачень С. Аверинцева визначені можливі напрями аналізу коментарів темних місць Священного Письма.

Ключові слова: герменевтика, Священне Письмо, С. Аверинцев.

В статье выделены основные этапы толкования Священного Писания в русской православной традиции. На примере толкований С. Аверинцева определены возможные направления анализа комментариев темных мест Священного Писания.

Ключевые слова: герменевтика, Священное Писание, С. Аверинцев.

In the article the main stages of the Holy Writ interpreting in the Russian orthodox tradition are marked out. The possible directions of analysis of the commentaries on the Holy Writ obscurities are defined using the example of S.Averintsev's interpretations.

Key words: *hermeneutics, Holy Writ, S.Averintsev*

Теологическая герменевтика включает теоретический и практический аспект, то есть это наука об истолковании и искусство толкования.

Герменевтические проблемы пронизывают все уровни религиозной коммуникации, успешность которой зависит от степени адекватности понимания смысла. Как отмечает Н. Мечковская [4, с. 231], можно выделить три вида герменевтической, или философской, работы, которые обслуживают религиозное общение: это перевод, истолкование (интерпретация) и редактирование текста.

Любая религиозная система требует истолкования, по крайней мере, по трем причинам. Во-первых, все они содержат мистическую основу, хотя и не очевидную; во-вторых, все они стремятся к пространственной экспансии; в-третьих, они должны обеспечить свое бытие при смене поколений.

Любое предание в пространстве и времени является переводом, а потому и толкованием. Таким образом, и буддизм, и индуизм, и даосизм, и ислам, и иудаизм, и христианство, и языческие культы, и предрассудки имеют обязательную письменную или устную традицию истолкования. Так, Веды истолковываются в Ведангах, Коран в Тасфире, Тора в Талмуде. Интерпретационное наследие христианства является неизмеримым как по объему, так и по содержанию.

Уже самым своим существованием герменевтика обязана прежде всего библейской экзегетике (от греч. ἐξήγησις – изложение, объяснение, указание) – искусству истолкования библейских текстов и иудейской талмудической традиции.

Выдающимися представителями библейской экзегетики были отцы церкви Ориген (185–254 г.г.), Иероним (345–420 г.г.), св. Августин (354–430 г.г.), а позже католик Фома Аквинский (1225–1274 г.г.), протестант М. Флаций (XVI ст.).

Основные принципы истолкования были разработаны св. Августином и М. Флацием. Св. Августин вводит принципы *контекстуального анализа*, *конгениальности* (правда, без терминологической определенности) и принцип *веры* (вера предшествует пониманию). М. Флаций развивает принципы *контекстуального истолкования*, вводит принцип *цели текста* и *замысла автора*, ставит проблему *герменевтического круга*, предвидит современное понимание цели герменевтики как *понимания*. Собственно говоря, проблема интерпретации текста связана с требованием аутентичности его боговдохновенному источнику.

Предметом внимания в данной статье является русская православная традиция истолкования Священного Писания. Толкование является неотъемлемой составляющей перевода – как условие перевода для переводчика и как его результат для читателя. Поэтому сложный труд перевода Священного Писания на церковнославянский и русский языки мы рассматриваем как задачу герменевтическую.

Первый старославянский перевод Священного Писания, включая и литургийные тексты, осуществлен св. Кириллом Философом и его братом св. Мефодием в IX веке.

Первый полный рукописный свод библейских переводов на церковнославянском языке осуществлен в 1499 году в Новгороде – т.н. Геннадиевская Библия, и только в 1581 году в типографии Константина Острожского трудами Ивана Федорова она была напечатана.

Известным православным исследователем эпохи средневековья был Феофилакт, архиепископ Болгарский (XI в.). В пользу его авторитета свидетельствует тот факт, что уже в Новое время в России был издан «Благовестник. Толкование на Святые Евангелия блаж.

Феофилакта, архиепископа Болгарского» (СПб – б.г.). Кстати, именно на это издание часто ссылается известный авторитет в области христианской литературы С. Аверинцев.

Истолкование церковнославянских лексем народным языком «для людей простых» присутствует на маргиналиях уже в первых публикациях Священного Писания Фр. Скорины (1517–1525).

Толкование Библии в Московской Руси было связано с проблемой правки священных книг, которая была начата в XIV веке и привела в конце- концов к Расколу. Связь толкования с редактированием можно обнаружить в следующем эпизоде: известный церковный деятель Максим Грек осужден и проклят только за то, что вместо аориста употребил перфект и таким образом манифестировал Иисуса Христа как временного, а не вечного.

Духовная борьба в XVI веке привела к осознанию необходимости осуществления четкого и ясного изложения веры, как это сделали католики и протестанты. «Источник знаний» Иоанна Дамаскина устарел и отличался неполнотой, к тому же его признавали и католики.

В это время Митрофан Критопулос публикует «Православное изложение веры» (1624 г.), Кирилл Лукарис (был ректором Острожской академии, участником Брестской унии, за что лишен должности, хотя позже и назначен Александрийским патриархом – в то время ему было всего 30 лет; с 1620 года семь раз избирался Константинопольским патриархом и шесть раз его увольняли с должности за склонность к протестантизму) в 1629 году в Женеве публикует «Исповеди веры православной» на латинском языке; протестантское по духу, оно четырежды выходило на французском языке и два раза на немецком, и наконец в 1633 году на греческом. Шесть православных соборов осудили его, среди них и Киевский собор 1640 года.

Под влиянием этих событий Петр Могила, митрополит Киевский, издает на латинском языке «Православный катехизис» (1640), поскольку греческий язык знал недостаточно. П. Могила прошел прекрасную латинскую выучку, его академия также была латинской. Он считал, что если изъять из католического учения несколько пунктов, то оно будет совершенно пригодным для православных. Его катехизис – это результат воспитанного в латинском духе ума, о чем свидетельствуют его комментарии отдельных позиций. Его Катехизис позже, с некоторыми правками, вышел и на греческом языке.

Православная церковь Нового времени и на подходах к нему имеет достаточно богатую экзегезу и гомилетику. Сошлемся на «Камень веры» Стефана Яворского, по духу близкого к Фоме, но признанного православными деятелями; «Четьи Минеи» св. Димитрия (1689–1705 г.г.), который, служа в Ростове, создал там духовную школу, где зимой толковал Ветхий Завет, а летом – Новый.

В это же время в Остроге выходит из печати полная славянская Библия, в России пользовались московским переизданием Острожской Библии (1663 г.). Позже Пётр I дал поручение ректору Московской духовной академии исправить и напечатать Библию. Работа была завершена в 1720, но печать откладывалась, текст пересматривался несколько раз. Наконец в 1743 году была создана комиссия, в которую вошли Яков Блонницкий, а также вызванные из Киева ученики: знаток еврейского языка и герменевтики Симон Тодорский, Варлаам Лящевский, Гедеон Слонимский. Все правки были изложены в отдельной рукописной книге, а краткий обзор в предисловии: в 1751 году Библия вышла из печати, с переизданием в 1757 г. и 1759 г. В истории она известна как Елизаветинская. В экзегетике этого периода приобрел известность митрополит Гавриил (Петров).

Духовное обучение на русском языке начинается с XIX ст. В 1813 году создано Библейское общество. Первым, кто начал цитировать и разбирать Библию на русском языке, был Григорий Постников (1820-е годы), ректор Петербургской академии. Новый Завет вышел в 1822 году, а перевод всей Библии был осуществлен в 1877 году.

Филарет, ректор Петербургской академии, издал «Записки на книгу Бытия». В области экзегезы проявились выдающиеся ученые: Михаил Лузин, профессор Московской, а потом ректор Киевской академии (толкование Евангелия и книги деяний Апостольских), Федор Бухарев, профессор Казанской академии (объяснения, касающиеся первой книги

Бытия, «Исследования Апокалипсиса» – запрещенные цензурой), Михаил Грибановский, епископ Таврический («Над Евангелием»), О. Катанский, профессор Петербургской академии (статьи и лекции). Издаются труды, в которых подвергается толкованию литургия («Новая скрижаль» Вениамина Румовского), церковные законы (Иван Соколов «Попытка курса церковного законодательства» – курс отличается глубиной интерпретации, проникновенным историзмом). Г. Розенкампф осуществляет попытку исследования Кормчей книги (кодекс), Л. Толстой осуществляет новый перевод всех четырех Евангелий.

В советские времена, по понятным причинам, духовная религиозная жизнь находится в упадке, почти отсутствует церковная печать. Отдельные исследования религиозных текстов осуществляются светскими учеными, среди которых Д. Абрамович, В. Адрианова-Перетц, О. Орлов, Д. Лихачев; Я. Шапов и С. Юшков исследовали источники по церковному праву; признанным знатоком греческого койнэ был О. Козаржевский; заслуживают уважения исследования христианской литературы С. Аверинцева, а также его переводы и комментарии Священного Писания. Важным событием стало первое после 1917 года издание Библии в 1956 году (25 тыс. экземпляров, из которых половина была отправлена за границу, в 1968 году – 40 тыс., в 1970 – еще 30 тыс.). В 1966 году выходит вторым изданием «Закон Божий» С. Слободского.

В постсоветский период стали широко известными богословы Д. Мень, М. Рижский, А. Кураев, Ф. Козырев и другие. Важным событием стал перевод и комментарии Кумранских текстов на русском языке (Тексты Кумрана. Введение, комментарии А.М Газова-Гинсбурга, М.М. Елизаровой, К.Б. Старкова – СПб., 1996).

Однако следует заметить, что новых собственно герменевтических исследований Священного Писания недостаточно – как на русском языке, что, вероятно, связано с недостатком специалистов в области древних языков и одновременно являющихся носителями христианского мировоззрения, догматики и культуры, так и на украинском, что совершенно понятно, если иметь ввиду недостаточную украиноязычную практику нашей церкви. Чаще переиздаются дореволюционные работы или их компиляции [ср. 2, 3, 8].

Современное состояние православной христианской герменевтики можно продемонстрировать на творчестве известного русского филолога, переводчика и интерпретатора С. Аверинцева. Он был светским ученым, но одновременно и членом Патриархальной Синодальной Библиейской Комиссии. С. Аверинцев – признанный православной церковью авторитет в области перевода Священного Писания. Он перевел три Евангелия (от Матфея, Луки и Марка), книгу Иова, Псалмы [1].

В контексте экзегетики особый интерес представляют комментарии переводчика, которые, как известно, ориентированы на темные места текста. Заметим, что С. Аверинцев осуществил перевод Священного Писания с языка оригиналов – древнееврейского и древнегреческого. Интерпретируя теологически проблемные места, он сравнивает их прочтение другими исследователями, отцами церкви, переводчиками.

Как свидетельствуют православные богословы, переводы С. Аверинцева характеризуются понятийной точностью, лексическим тактом и, насколько это возможно, ритмическим соответствием оригиналу. В переводах Евангелий он с достаточным почтением относится к соединительным союзам и частицам, которые призваны обеспечить адекватность модального плана текста.

Толкования у С. Аверинцева являются инструментом переводческой деятельности и входят в комментарии. Это обстоятельство обуславливает выбор единиц толкования, который существенно отличается от объекта толкования в учебных богословских изданиях или книгах для широкого чтения. В комментариях переводчика толкуются только единицы, имеющие неоднозначное содержание, некоторый потаенный смысл, ореол, полемическую историю интерпретации, – с целью аргументации сделанного переводчиком выбора. Единицы же просто ограниченного употребления становятся предметом рассмотрения очень редко.

Толкования призваны преодолеть барьеры на пути понимания Священного Писания. У С. Аверинцева они нацелены на разрушение 1) языкового барьера (лексемы, семантика, метафоры, неясные места, стиль), 2) культурно-исторического (термины культуры, истории,

природы, собственные имена) и 3) теологического (Ветхозаветные рефлексии, Новозаветные верования) [см. подробнее: 6].

Методология толкований С. Аверинцева строится на принципах историчности (толкование понятия с позиций исторического времени событий текста), традиционности (учет выработанной в истории богословия традиции восприятия Священных текстов), культурно-исторического диалога (включенностью коллизий Священных текстов в духовную жизнь человечества), вариативности (возможность разночтений), которая наглядно демонстрирует особенно ценное сегодня свойство текста – его открытость [см. подробнее: 5].

Толкование лексем и фрагментов текста у С. Аверинцева сопровождается убедительными аргументами, многочисленными отсылками, основано на этимологическом анализе, сравнении языков, сопоставлении многих переводов, учитывает стиль, горизонтальный и вертикальный контекст, отвечает логике самого текста.

Так, например, один из Псалмов в Синодальном переводе начинается следующим образом: *Сказал Господь Господу моему*, где второе *Господь* касается Иисуса. С. Аверинцев убедительно доказывает, что тут лучше было бы применение русской лексемы *Господин*, поскольку в русской литературной речи произошло диглосное расчленение церковнославянского *Господь*, или греческого *κυριος*, которое обозначало и Бога, и господина. Точно так же немецкое *Heig* и английское *Lord* обозначают и Бога, и господина. В древнееврейском языке различалось *Яхве*, имя которого нельзя произносить, и его замена *Адонай*. При переводе Евангелий это вызывает определенные трудности. Когда к Иисусу, во времена его целительства, обращаются *κυριε*, это просто уважительное обращение, поскольку люди еще не ведали того, что это Христос. В Синодальной Библии перевод осуществлен следующим образом: *Господи!*, что не совсем логично с точки зрения противопоставления в русском языке *Господь* и *господин*. Поэтому, с точки зрения С. Аверинцева, более адекватно передает содержание фраза: *Сказал Господь Господину моему / государю моему* [1, с. 479–480].

В комментариях С. Аверинцева присутствуют виды истолкования, которые являются привычными для русской традиции [ср. 7]: лексико-семантические, теологические, историко-культурные, концептуальные и др. Они отличаются филологической тщательностью, глубиной проникновения в картину мира оригиналов, которая возможна только для верующего человека.

Как отмечает сам С. Аверинцев, в своем труде приближения Священного Писания к современному читателю он следует наставлению Иисуса – Мт 7: 13–14 «*Узкими входите воротами, ибо просторны ворота и широк путь, ведущие к погибели, и много тех, что входят ими. Но тесны ворота и узок путь, ведущие к жизни, и мало тех, что находят их*». Он не ставит задачу расширить путь постижения Священного писания, ибо это исказило бы интенции текста, но считает обязанностью «заботливо убрать с узкого пути каждый лишний, случайно оказавшийся там камешек», сохранив при этом необходимость труда промысливания «трудного» библейского слова [1, с. 306–307].

Собранные им «камешки» представляют собой осколки духовной картины жизни христианской цивилизации и её предыстории. Они не только вразумляют нас, но и просветляют. Именно поэтому комментарии С. Аверинцева из справочника превращаются в увлекательную и полезную книгу для духовного чтения.

Межкультурный диалог, на котором строятся комментарии Священного Писания С. Аверинцева, отличается многоголосием и обнаруживает несколько уровней. Первый уровень – это уровень самого текста, в котором задействованы различные народы в разные времена, второй уровень – это диалог авторов Евангелий и прогнозируемого читателя; третий – диалог текстов и богословских интерпретаторов; четвертый – диалог Священных текстов и реальных читателей, зафиксированных в истории; пятый – межъязыковой диалог Священного Писания и его русских (европейских) переводчиков; шестой – это диалог С. Аверинцева со всеми его участниками и, наконец, седьмой – это представленное читателю комментарием счастье включиться в это многоголосие.

Полагаем, что этот последний уровень – чрезвычайно важный и актуальный предмет для анализа. Мера понимания Священного Писания современником может быть исследована: 1) социолингвистическими методами, а также косвенно; 2) путем сопоставления содержания и объема комментариев в учебных, образовательных и миссионерских изданиях библейских текстов на разных исторических срезах. Такие исследования представляют теоретический и практический интерес, ибо, с одной стороны, раскрывают динамику религиозного сознания (и общего образовательного уровня) читателей, а с другой – выявляют слабые звенья в постигаемом тексте, требующие внимания со стороны духовных религиозных просветителей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверинцев С. Собрание сочинений. Переводы / С. Аверинцев. – К.: Дух і літера, 2004. – 500 с.
2. Библейская энциклопедия / Труд и издание архимандрита Никифора. – М., 1891. – Репринтное издание. – М.: ТЭРРА, 1990. – 904 с.
3. Законъ Божій для семьи и школы / Сост. С. Слободской. – Свято-Троицкая Сергиева Лавра. – Репринтное издание со 2 изд. 1966 г. – б.г. – 723 с.
4. Мечковская Н. Б. Язык и религия / Мечковская Н.Б. – М.: ФАИР, 1998. – 352 с.
5. Мусиенко В.П. Методологические принципы истолкования Священного Писания в переводах С. Аверинцева / В.П. Мусиенко // Вісник Черкаського університету. Серія філологічні науки. Випуск № 102. – Черкаси, 2007. – С. 3–9.
6. Мусиенко В.П. Типология предмета толкования в комментариях С. Аверинцева к Священному Писанию / В.П. Мусиенко // Вісник Одеського національного університету. – Том 12. Випуск 3. Філологія: мовознавство, 2007. – С. 135–145.
7. Попов Н. Священная история Нового Завета: Учебник для гимназий, реальных училищ, учительских семинарий. – Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1998. – 234 с.
8. Толковая псалтырь. – ЗАО «Тираж-51» – б.г. – 590 с.

Одержано редакцією 19.06.2008

Прийнято до друку 17.11.2008

УДК 811.161.2.-342

О.С. Іщенко

ЗАЛЕЖНІСТЬ АКУСТИЧНИХ ХАРАКТЕРИСТИК ГОЛОСНИХ ЗВУКІВ УКРАЇНСЬКОЇ МОВИ ВІД ТЕМПУ МОВЛЕННЯ

У статті здійснено спробу охарактеризувати голосні звуки української мови за їхніми акустичними параметрами в різних позиціях в слові залежно від темпу мовлення. Зокрема, проаналізовано частотний спектр, тривалість та інтенсивність у повільному, нормальному і швидкому темпі.

Ключові слова: темп мовлення, голосний звук, акустичний параметр, спектр звука, тривалість звука, інтенсивність звука, словесна позиція.

Стаття посвячена дослідженню акустических параметров гласных звуков украинского языка. В частности, анализировались частотный спектр, длительность и интенсивность гласных, взятых с разных словесных позиций в медленном, нормальном и быстром темпе речи.

Ключевые слова: темп речи, гласный звук, акустический параметр, спектр звука, длительность звука, интенсивность звука, словесная позиция.